

От редакции

Известный историк русской литературы Вячеслав Анатольевич Кошелев (20 сентября 1950, Вологда – 16 июля 2020, Великий Новгород) занимался самыми разными темами и авторами. Грибоедову он посвятил меньшее число работ, чем другим «любимым» писателям. Но Грибоедов стал одной из сквозных тем всего научного творчества В. А. Кошелева.

Впервые В. А. Кошелев посетил Хмелиту в 1986 г., когда и музей, и регулярные конференции только начинались, а все мероприятия проходили в районной Вязьме. Последний раз он участвовал в научных чтениях в Хмелите в мае 2018 г. В эти 32 года уместилась вся его грибоедовщина, которая постоянно сопровождалась замечательными воспоминаниями о том, как и что было, кто и где был, – Вячеслав Анатольевич был наделен превосходной памятью и запоминал множество деталей и характерных черт. Воспоминания эти ни им самим, ни кем другим никогда не были записаны. Но за эти 32 года В. А. Кошелев сам стал героем воспоминаний, – и вот эти воспоминания непременно следует записать.

Даже беглый взгляд на прилагаемый ниже перечень грибоедовских работ В. А. Кошелева позволяет заметить, что в 1990-е да и в 2000-е гг. он обращается к Грибоедову от случая к случаю, – нередко, но и не регулярно. В 2010-е гг. статьи о Грибоедове стали появляться практически ежегодно, иногда не по одной в год. Вообще-то в эти годы В. А. Кошелев упорно занимался изданием собрания сочинений А. А. Фета, но писать о Грибоедове становилось для него необходимостью. Всё это увенчалось подготовкой книги о Грибоедове, которая вобрала в себя опубликованные ранее работы. Это, разумеется, особенность личной творческой судьбы В. А. Кошелева. Но личная судьба его представляет не меньший интерес для науки, чем какие-то общие закономерности.

Статья, помещаемая в настоящем сборнике, весьма характерна для литературной манеры В. А. Кошелева. Он начинает, как часто делал это, издаюлка, отгаликвается от другого писателя. А потом вся работа превращается в скрупулезный анализ литературного текста.

Публикатор статьи и составитель списка научных работ В. А. Кошелева – А. В. Кошелев.

DOI 10.37386/2305-4077-2021-3-80-92

В. А. Кошелев¹

«МЕТКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ НЕВОЗМОЖНОГО...»

В статье предлагаются наблюдения над жизненными обстоятельствами и любовными неудачами А. А. Фета и его приятеля И. П. Борисова, получившими отражение в их переписке 1849–1850 гг. Обнаруживаются параллели с семейной картиной, изображенной Грибоедовым в комедии «Горе от ума», с образами Молчалина и Чацкого. Комментируется восприятие Фетом Грибоедова, трактуется использование крылатых слов, восходящих к комедии «Горе от ума», раскрывается значение номинации Грибоедова «метким наблюдателем невозможного». Анализируются биографии и жизненные обстоятельства персонажей комедии, в грибоедовском контексте и исторической перспективе интерпретируются образы претендентов на руку Софии и их жизненные стратегии, отмечаются различные трактовки образа Молчалина. Демонстрируется новаторство Грибоедова, связанное с разрушением нравственных перспектив традиционного литературного сюжета, ориентированного на торжество «добродетели» и наказание «порока».

¹ Вячеслав Анатольевич Кошелев (1950–2020), доктор филологических наук, профессор.

Ключевые слова: письма, крылатые слова, семейная картина, замыслы, традиции, разрушение, перспективы

Viacheslav A. Koshelev

“A READY-WITTED OBSERVER OF THE IMPOSSIBLE...”

The article offers observations on life circumstances and love failures of A. A. Fet and his friend I. P. Borisov, reflected in their correspondence between 1849 and 1850. Parallels are found with the family picture in the comedy “Woe from Wit” and the images of Molchalin and Chatsky. The way Fet perceived Griboedov is commented as well as his use of winged words borrowed from the comedy “Woe from Wit”. The meaning of Griboedov’s nomination of “a ready-witted observer of the impossible” is revealed. The biographies and life circumstances of the characters of the comedy are analysed; in the context of Griboedov’s works and a historical perspective, the images of the candidates for the hand of Sophia and their life strategies are interpreted, various interpretations of the image of Molchalin are noted. The innovation of Griboedov connected with the destruction of the moral perspectives in the traditional literary plot focused on the triumph of “the virtue” and the punishment of “the vice” is demonstrated.

Keywords: letters, winged words, family picture, intentions, traditions, destruction, prospects

В 1849–1850 гг. А. А. Фет, уже известный поэт, служит, в небольшом чине поручика, полковым адъютантом в Кирасирском Военного Ордена полку, кочующем по разным местечкам Херсонской губернии. В это время он переживает сильнейшее любовное увлечение дочерью соседей-помещиков М. К. Лазич. Сдержанный в передаче чувств, он делится своими переживаниями разве что с ближайшим (еще с детских лет) приятелем И. П. Борисовым, письмо от 9 марта 1849 г.:

«Существо, которое, – если бы со временем, да какое у меня, больного человека, может быть время впереди, и сочетался законным браком <...>, – то это существо стояло бы до последней минуты сознания моего передо мною – как возможность возможного для меня счастья и примирения с гадкою действительностию. Но у ней ничего и у меня ничего – вот тема, которую я развиваю и вследствие которой я ни с места» [А. А. Фет и его литературное окружение, 2003, с. 86–87].

Старая как мир история: семейство возлюбленной поэта было бедным и многодетным; Мария Лазич – бесприданница. Что же касается Фета, то он был и вовсе незаконным сыном и никакого имущества не имел. А нищенское офицерское жалованье не позволяло даже и помышлять о создании семьи:

«Дело вот в чем: я встретил девушку – прекрасного дома и образования – я не искал ее – она меня, но судьба – и мы узнали, что были бы очень счастливы после разных житейских бурь, если бы могли жить мирно, без всяких претензий на что-либо. Это мы сказали друг другу – но для этого надобно *как-либо* и *где-либо*? Мои средства тебе известны – она ничего тоже не имеет...» (письмо от 18 мая 1849) [А. А. Фет и его литературное окружение, 2003, с. 91].

До будущей трагедии – «Там человек сторел!» – еще два года; пока же тянутся бестолковые будни армейского офицера.

А у Борисова, умного и преданного друга Фета, свои любовные неудачи. С детства влюбленный в младшую сестру поэта Н. А. Шеншину, он несколько раз сватается к ней, но постоянно получает отказ. Летом 1850 г., после очередного неудачного сватовства, он едет на Кавказ и поступает в Куринский егерский полк, участвует в стычках с горцами, выказывая отчаянную храбрость.

В жизни обоих приятелей – обычные неприятности, которые воспринимаются как неизбежная житейская рутина. На четыре года задерживается (из-за нераспорядительности московских приятелей) выход любовно подготовленного сборника стихотворений Фета. Безденежье: поэт почти не получает помощи от родных. Родственные неурядицы: то неудачное замужество сестры Фета Любоньки, то «проделки» младших братьев Петра и Василия, то «капризы» отчима Афанасия Неофитовича (после смерти матери поэта тот всё никак не может определиться с местом жительства, переезжая из одной усадьбы в другую). Словом, естественный клубок житейских дразг.

В конце сентября 1850 г. Фет пишет Борисову большое письмо, в котором пытается отнестись к этим неурядицам философски. И – поневоле обращается к русской литературе. Так, повествуя о собственных армейских буднях, он вдруг поминает Гоголя:

«Ваня, Ваня! Плохо, душа моя, на свете жить. Боже, как подобное восклицание среди глупостей напоминает записки сумасшедшего бессмертного Гоголя. «Матушка, матушка, зачем ты оставила бедного сына». Да, брат, одному с палочкой трудно протолкаться по извилистым тропинкам счастья, через все переправы – без денег, через гостинные и передние, без теток – к храму счастья. Просыпаешься и всякий день ходишь, как слепая лошадь на мельнице, не замечая, что всё топчешься на том же месте, хотя тайный голос шепчет, что ты делаешь карьеру» [А. А. Фет и его литературное окружение, 2003, с. 104].

Из «письма от отца» (престарелого А. Н. Шеншина) Фет узнает, что влиятельный сосед барон Н. П. Остен-Сакен «рекомендовал ему взять к Надиньке какую-то М-ме Шепелеву» [А. А. Фет и его литературное окружение, 2003, с. 104]. Надя же должна была поехать к «бедной сестре», которая ухаживала за больным сыном; «но уже должно было г-жу Шепелеву препроводить обратно и таким образом скомпрометировать себя перед высоким домом Сакеных, у которых должны заискивать *для замыслов каких-то непонятных*. Я, ты, он, мы, вы, они, онѣ – одним словом, все имена и местоимения. Понимаешь ли ты хоть что-нибудь? Я ничего не понимаю, *кроме того, что Грибоедов такой же меткий наблюдатель невозможного, как и Гоголь*» (курсив в цитатах принадлежит автору статьи; полужирный шрифт – цитируемым авторам) [Там же, с. 105].

Перед нами хронологически первое использование высказывания из «Горя от ума», встречающееся в переписке Фета. В дальнейшем поэт использовал грибоедовские «словечки» очень часто: и в письмах, и в критических статьях, и в публицистике. При этом он выбирал из тех высказываний, которые, по наблюдению Пушкина, «должны войти в пословицу», – самые обыденные. Так, в общении Фета с Я. П. Полонским со студенческих лет вошла вполне «бытовая»

реплика Софьи (д. III, явл. 9), обращенная к Загорецкому: «Благодарю вас за билет, / а за старанье вдвое». Полонский указал в 1887 г., что эта фраза постоянно применялась поэтами в качестве «пароля» при чтении друг другу новых стихов [А. А. Фет и его литературное окружение, 2003, с. 589, 619, 777]. «Горе от ума», любимое произведение Фета, было у него, что называется, «на слуху».

Но самое любопытное даже не в этом, а в той характеристике Грибоедова, которую Фет, очень глубокий поэт и величайший мастер слова, попутно высказал в этом дружеском письме. Не забудем, что Фет уже вполне обнаружил ту замечательную силу своей броской и неожиданной метафоры, с которой он, собственно, и вошел в историю русской словесности: никакое его выражение не произносилось просто так. Почему же любимый им Грибоедов определен как «наблюдатель *невозможного*»?

Отметим, кроме того, что само крылатое выражение «для замыслов каких-то непонятных» Фет не мог в 1850 г. ни прочитать в напечатанной книжке, ни услышать на театре. Это выражение входило в известный «антикрепостнический» монолог Чацкого (5 явление II действия):

Не тот ли, вы к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон? [Грибоедов, 1995, с. 48]².

А монолог этот не был пропущен цензурой ни для изданий комедии, ни для театральных постановок: «Горе от ума» вплоть до 1862 г. печаталось со значительными цензурными купюрами (см. комментарии А. Л. Гришунина: [Грибоедов, 1995, с. 284–285]).

Из этого следует, что приведенное «крылатое слово» Фет вычитал, вероятно, в рукописных списках комедии.

В основном тексте «Горя от ума» цитированное восклицание Чацкого явно «выбивается» по смыслу из его монолога: непосредственно перед ним вспоминаются «обеда, ужины и танцы» хлебосольных москвичей, а непосредственно после следуют истории «Нестора негодяев знатных» и владельца крепостного театра. Это восклицание (обращенное то ли к Фамусову, то ли к Скалозубу) отражает детские впечатления героя – негативное ощущение от «обряда» заискивания перед сильными, принятого в среде старой Москвы. Кто конкретно – «Не тот ли вы...», к кому обращена эта рацея?

В ранней редакции комедии («музейном автографе») стиха, который цитирует Фет, и вовсе не было. Было просто: «Не тот ли? вы к кому меня еще с пелен / Дитёй возили на поклон...» (с. 165). Над этим монологом Чацкого автор работал очень упорно: в том же «музейном автографе» сохранилось два зачеркнутых варианта, где нравы «века минувшего» представляли тоже не в очень «понятном» виде:

² Текст комедии цитируется по этому изданию. Далее номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

Мы скажемте: всё нынче как бывало,
И прежде были те ж открытые дома,
Входило всё что ни попало
Есть, пить и предавать на суд
Столов убранство, роскошь блюд,
А путешественник не раз середь обеда,
Тишком разгадывал на лбу
Иного земляка-соседа,
Что был привинчен он к позорному столбу.
Вам нравится в сынках отцовское наследство
И прежде им плелись победные венки
Людьми считались с малолетства
Патрициев дворянские сынки,
В заслуги ставили им души родовые,
Любили их, ласкали их,
И причитались к ним в родные (с. 163)

Знаменитые «московские обеды» (а ими особенно гордилась «допожарная» Москва) имели, отмечал Чацкий, и оборотную сторону. Их «семейственный» характер как будто призван был сплотить разнородных участников – но оборачивалось оно тем, что вездесущая «молва» могла запросто приговорить любого из них «к позорному столбу». А оценка достоинств человека напрямую зависела («людьми считалось») от его имущественного положения, то есть теми сотнями или тысячами «родовых душ», которые человек получил в «отцовское наследство». Эта странная обстановка рождала воистину «непонятные» замыслы и создавала общую фантасмагорию московского «общезития».

Действительно, с точки зрения «семейственной» картины «Горе от ума» являет собой собрание самых «непонятных» замыслов. Вот первая «непонятка» с персонажами – в признании Фамусова:

Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служащие чужие очень редки;
Все больше сестрины, свояченицы детки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!.. (с. 43–44).

Но при таких «семейственных» симпатиях почему-то на званый вечер к Фамусову не является ни «сестра», ни ее «детки», ни «детки» свояченицы. А сама «свояченица» – старуха Хлестова – демонстрирует на этом вечере не вполне родственные симпатии. Между тем, «не свой» и «не званый» Молчалин там весьма вольготно и «вольно» себя чувствует, оставаясь особенно приятным для «званных» гостей.

Вообще «секретарь» управляющего Молчалин занимает в «семейственном» мире Фамусова непропорционально большое место. Он, судя по характеристикам, самый нужный работник в «казенном месте»: выполняет работу и за себя, и за управляющего, и за иных «родных человечков». Именно благодаря Молчалину Фамусов имеет возможность даже не выезжать в это «казенное место»: «чуть день брезжится» – а у того уже готовы вполне «разобранные» бумаги «для доклада». При этом «не свой» Молчалин заводит соответствующую интрижку с дочкой хозяина, и здесь умеет держаться «робости во нраве» (с. 118), не доводя отношений до необратимо серьезных. В конце концов, он и здесь выходит сухим из воды: даже если Софья, как грозитя, расскажет «всю правду батюшке с досады», Фамусов, уверенный в том, что дочь влюблена в Чацкого – просто не поверит ей: «Хоть подеритесь, не поверю» (с. 120).

По своему имущественному положению Молчалин характеризуется одним показателем: «нищий» (с. 33). Если у того же Чацкого есть какое-то, хоть и невеликое, состояние – то ли триста, то ли четыреста душ, – то Молчалину необходимо пробиваться в этой жизни «с нуля». К тому же он не только «не свой» в доме Фамусова, но и «чужой» в Москве. Вероятно, он еще в ранней юности прибыл в первопрестольную из «Твери» (с. 19), поселился в доме Фамусова (в комнатке под лестницей, которую прямодушная Хлестова называет «чуланчик»), доказал свою полезность – и стал служить, дослужившись уже до чина «ассессора» (8-й класс в «Табели о рангах»). В отличие от Чацкого, он вынужден и служить, и «прислуживаться» – куда денешься?

Именно из-за особенного положения в доме и из-за «нищеты» он кажется поначалу никому не нужным «приживалом», а в глазах юноши Чацкого – еще и записным «глупцом». «Что я Молчалина глупее?» (с. 29) – восклицает Чацкий в ответ на колкие замечания Софьи. А потом саркастически заявляет, что в Английском клубе всем будет рассказывать «про ум Молчалина» (с. 67). Правда, единственное «доказательство» этой «глупости», которое он может привести, звучит невнятно: «Бывало, песенок где новеньких тетрадь / Увидит, пристрает: пожалуйста списать» (с. 29). Речь идет о юноше – и что в этом глупого?

Единственное «наследство», которое Молчалин получил от отца, – чувство собственного ничтожества и как следствие необходимость «угождать всем людям без изъятия», это «наследство» делает его в глазах всех Чацких «жалчайшим созданием» (с. 61). При этом он резко отличается от лицемерных негодяев классицистической комедии (Тартюф Мольера, Джозеф Сэрфес Шеридана) – хотя бы тем, что в конце концов избегает публичного разоблачения. Современный исследователь отмечает:

«Его потому и невозможно разоблачить, что разоблачать нечего: он ничтожен, но он не хитрит, не интригует, он просто живет по отцовским заветам. Его литературные предшественники и многие последователи (как Глумов А. Н. Островского) лицемерили сознательно; молчаливые юноши грибоевской поры часто были искренни. Они искренне полагали важным в начале карьеры не иметь своего мнения ни о чем, чтобы легче впитывать мнение вышестоящих и, следовательно, более опытных особ; ни в коем случае им не противоречить, потому

что те лучше знают служебную жизнь; быть со всеми в приятных отношениях, потому что в юности трудно решить верно, кто хорош, кто нет; оказывать всем небольшие услуги, поздравлять всех именинников и именинниц, потому что вежливость, хоть обременительна, обязательна по отношению к старшим, – кто скажет, что эти представления совсем необоснованны?» [Цимбаева, 2005, с. 31].

Автор даже находит реальную параллель «молчалинскому» типу в кругу знакомых Грибоедова – С. П. Жихарев.

Основной показатель его внешнего поведения – «безмолвия печать». Презирающий Молчалина Чацкий язвительно замечает: «Ведь нынче любят **бессловесных**» (с. 29). Чацкий как будто вносит в значение слова переносный смысл: «бессловесными тварями», не умеющими говорить, являются, как известно, животные. Однако «Словарь Академии Российской» приводил еще одно значение: «бессловесный – *безответный, безмолвный*» [Словарь. Стб. 162]. Показательно, что «безмолвие» Молчалина, идущее от «безответности», в глазах Софьи предстает как несомненное достоинство, как способ выживания в суровом мире:

При батюшке три года служит,
Тот часто без толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит... (с. 65).

Л. А. Степанов замечает о Молчалине:

«По самому замыслу пьесы эта фигура контрастна Чацкому, как молчание и речь. В самом деле, в тексте, насчитывающем 2220 стихов, Молчалину принадлежит лишь 114, в большинстве своем неполных – кратких реплик в одно-два слова, нераспространенных простых предложений, эллиптических конструкций. В первом действии, где всюду бушует Фамусов, взпуски врет Лиза, усиленно фантазирует Софья, напуганный, но осторожный любовник произносит всего 5 коротких реплик...» [Степанов, 2000, с. 104–105].

Именно тем, что «не речист» (в отличие от Скалозуба в восприятии Лизы – и, естественно, от Чацкого), он и завоевывает сердце дочери хозяина:

Он наконец: уступчив, скромн, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких... (с. 65).

Но если к другим претендентам на руку Софии можно отнести наблюдение Лизы «больно не хитер» (с. 23), то о «не речистом» Молчалине этого не скажешь. Но его «хитрость» – особенная: она покоится на двух объявленных им в разговоре с Чацким «талантах» – «умеренности и аккуратности». «Говорун» Чацкий тут же их осмеивает: «Чудеснейшие два! и стоят наших всех» (с. 68). Но что, собственно, тут осмеивать?..

За пределами грибоедовского текста личность Молчалина давно уже получила негативную оценку: о нем многожды высказались Гоголь, Достоевский. Салтыков-Щедрин написал специальный цикл «Господа Молчалины» (1874–1875), саркастически представивший российских чиновников «в среде умеренности и аккуратности» и выявивший особенную социальную живучесть этого типа. В комедии Е. П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву» (1856) Молчалин выведен уже в чине действительного статского советника, который

«метит в сенаторы». Всё правильно: фигура «делового» и «безмолвного» Молчалина наиболее четко соответствовала социальному заказу власти и типу того социального поведения, который во все времена необходим для властей.

«В нём Загорецкий не умрет!..» (с. 85) – заявляет о Молчалине Чацкий. Именно это заявление переполняет чашу терпения Софии: сразу же после него она пускает сплетню о сумасшествии Чацкого. Заметим: в распространении этого «вымысла» участвуют все присутствующие на вечере гости – исключая Молчалина, который в этом случае не произносит ни слова: единственный, кто остается «себе на уме».

Чацкий неправ даже и формально: если бы в Молчалине была хотя бы одна черта, роднящая его с «лгунишкой», «вором», карточным шулером, шпионом, который «переносить горазд» – Загорецким, – то он в любом обществе не смог бы дойти «до степеней известных». Молчалин никогда не снизойдет до лжи, воровства или предательства: именно «умеренность и аккуратность» не позволяют ему этих низостей.

Чацкий неправ и тогда, когда предполагает, что в Молчалине Софья увидела особенный «высокий идеал» будущего мужа: «Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей» (с. 121). Под этот «идеал» подходит Платон Михайлович Горич или муж Татьяны Дмитриевны, который «занимает пост из первых в государстве», но во всём слушает супругу: «Она прикажет – он подпишет» (с. 187). Но – не Молчалин: та же «умеренность и аккуратность» не допустят его попасть «под каблук». София полюбила в Молчалине именно *семейственную* «умеренность и аккуратность». В отличие от Чацкого, он «не сочинитель» (с. 71) – и в принципе не будет язвительно отзываться о людях. Напротив, он даже выступает «как громовой отвод»: «Кто другой *так мирно* всё уладит!» (с. 85).

Даже и в любовной измене он «умерен и аккуратен». Устав от вздыханий «плачевной нашей крали» (с. 116) и потянувшись к смазливой горничной, к которой тянутся все кому не лень (тот же Фамусов), – он Лизу вовсе не обманывает, предлагая специально для нее приобретенные «вещицы три» не самого высокого «галантерейного» пошиба в обмен на удовлетворение плотской похоти. Если Репетилов может похвалиться, что «обманывал жену» и держал «трёх разом» танцовщиц (с. 103), – то Молчалин действительно «в чинах небольших», чтобы найти что-то другое. Можно ли его по этой житейской причине слишком уж осуждать его за «невоздержанность»? Ведь, исключая не в меру восторженную Софью (которую Вяземский назвал словечком «халда»), он, в сущности, никого не обманывает.

Словом, с житейской точки зрения Молчалин вовсе не выглядит такой зловещей фигурой, какой кажется в «затекстовом» мире «Горя от ума» – в исторической перспективе. А в «догрибоедовской» комедии тип Молчалина был бы, без сомнения, фигурой положительной: в фонвизинском «Недоросле» подобные черты «умеренности и аккуратности» видны, например, в фигуре чиновника Правдина. А в современном общежитии Молчалин мог бы быть

замечательным соседом и идеальным исполнителем сложных дел и поручений. Грибоедов умеет видеть оборотную сторону ситуации «невозможного», предугадывая ее не развернувшиеся еще возможности.

Вернемся, однако, к «предлагаемым обстоятельствам» житейской ситуации Фета и Борисова, представленной в их переписке 1849–1850 гг. Это тоже ситуация «невозможностей». Оба корреспондента влюбились – и обе влюбленности выглядят безнадежными с точки зрения будущего. «Правда, я счастливей тебя, – замечает Фет, – я высказался – но никого кругом меня – никто не протянет руки» [А. А. Фет и его литературное окружение, 2003, с. 87]. Он встретил любимое «существо», чувство оказалось обоюдным – но никакие дальнейшие шаги невозможны.

А Борисов, который никак не может «высказаться», объяснить с той девушкой, детская влюбленность в которую с годами всё усиливается, – оказывается еще несчастнее. И его житейская ситуация тоже не сулит ничего хорошего.

Вспоминая «Горе от ума», Фет невольно конструирует параллели между собственными и комедийными ситуациями «невозможного». Его друг оказывается похож на Чацкого, а сам он, одинокий в чуждой среде, – на Молчалина.

Обе «невозможные» ситуации разрешились совсем неожиданно: жизнь внесла в них особенные моменты, которые не предусмотреть никакому драматургу.

Фет, решивший, что «искать сближения» с возлюбленной «невозможно и эгоистично», решился на разрыв отношений. А вскоре случилась трагедия: Мария Лазич погибла в результате ожогов от случайно загоревшегося на ней платья. Память об этой любви не теряла для поэта остроты в продолжение всех дальнейших сорока лет жизни и вызывала множество горестных стихов, в которых отразилось общее переживание любовной драмы. Эта «невозможность» стала биографическим и лирическим нервом всей жизни-поэзии Фета, воплотила в себе самый дух трагической любви. Таков был исход «молчалинской» ситуации:

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять... [Фет, 1986, с. 80].

Продолжение любовной драмы Чацкого-Борисова тоже было не простым. Очутившись после отказа Надежды Шеншиной на Кавказе, он ищет смерти; за храбрость в сражениях награждается чинами и орденами – и в 1856 г. выходит в отставку. Между тем Надежда, пережившая какой-то тяжелый и бурный роман, оказалась во Франции, откуда ее, находившуюся в депрессии, вывозит ставший уже известным поэтом брат. Он возвращается с сестрой из-за границы в родные Новосёлки. Там из-за тяжелого душевного потрясения Надежда заболевает психически. Фет вынужден отвезти ее в Москву и поместить в лечебницу. Вскоре в Москву приезжает и Иван Борисов. Состояние Надежды не охлаждает его любовь, и после ее выздоровления он добивается ее руки. Они венчаются в Москве, снова уезжают в родовое имение. Л. Н. Толстой в письме к А. А. Толстой

от 19 октября 1859 г. рассказал об истории Борисова: тот «верил в себя и женился. Через год у них родился славный ребенок. Я два года их видел, и это единственное счастливое супружество, которое я видел в жизни. Она оценила, полюбила его, и он в первый раз в жизни, в 35 лет расцвел. Улыбка не сходила у него с лица, ему всем хотелось рассказать про свое счастье...» [Толстой, 1992, с. 311–312].

«Меткий наблюдатель невозможного», Грибоедов был первым из русских драматургов, кто разрушил нравственные перспективы старого литературного сюжета, ориентированного на торжество «добродетели» и наказание «порока». В третьей главе «Евгения Онегина», написанной почти одновременно с «Горем от ума», Пушкин представил «нравственность» того «романа на старый лад», которой волновал сердце Татьяны Лариной (и, соответственно, ее ровесницы Софии Фамусовой):

Свой слог на важный лад настрая,
 Бывало, пламенный творец
 Являл нам своего героя
 Как совершенства образец.
 Он одарял предмет любимый,
 Всегда несправедно гонимый,
 Душой чувствительной, умом
 И привлекательным лицом.
 Питая жар чистейшей страсти
 Всегда восторженный герой
 Готов был жертвовать собой,
 И при конце последней части
 Всегда наказан был порок,
 Добру достойный был венок [Пушкин, 1995, с. 56].

А кто в «Горе от ума» является «совершенства образцом»? кто – носитель «добродетели»? кто – выражение «порока»? Если выбирать из двух соперников с «душой чувствительной, умом и привлекательным лицом» – то, с точки зрения консервативных, «семейственных» представлений о нравственности, «добродетельным» лицом окажется, конечно же, Молчалин. Не случайно же Софья, выбравшая Молчалина, отвергает основное достоинство Чацкого, которым тот неизменно гордится – его ум: «Да этакий ли ум семейство осчастливит?» (с. 65).

И в конце – никто не «наказан» и никто не «торжествует». Продолжается та же «невозможная» жизнь, в которой нельзя предугадать «однозначного» продолжения. Подобная драматическая нравственная конструкция с «Горем от ума» впервые явилась на русском театре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грибоедов, А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1 / Подгот. текста и коммент. А. Л. Гришунина; науч. ред. С. А. Фомичев / А. С. Грибоедов. – Санкт-Петербург: Нотабене, 1995. – 345 с.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. / Ред. комитет: М. Горький и др. Т. 6. / Ред. Б. В. Томашевский / А. С. Пушкин. – Москва: Воскресенье, 1995. – 700 с.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. Ч. 1.– Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1806.– 1310 стб.

Степанов, Л. А. Рука Молчалина / Л. А. Степанов // Грибоедов и Пушкин. Хмелитский сб. Вып. 2.– Смоленск, 2000.– С. 104–128.

Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. Т. 60 / Л. Н. Толстой.– Москва: Изд. центр «Тerra», 1992.– 557 с.

Фет, А. А. Стихотворения и поэмы / сост. и примеч. Б. Я. Бухштаба / А. А. Фет.– Ленинград: Советский писатель, 1986.– 750 с.

А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. / отв. ред. Т. Г. Динесман. Кн. 1. Сер.: Литературное наследство. Т. 103.– Москва: ИМЛИ РАН, 2008.– 992 с.

Цимбаева, Е. Н. Исторический анализ литературного текста / Е. Н. Цимбаева.– Москва: URSS, 2005.– 173 с.

REFERENCES

A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie: Kn. 1–2 / otvetstvennyj redaktor T. G. Dinesman. Kniga 1. Serija «Literaturnoe nasledstvo». T. 103.– Moskva: IMLI RAN, 2008.– 992 s.

Cimbaeva, E. N. Istoricheskij analiz literaturnogo teksta / E. N. Cimbaeva.– Moskva: URSS, 2005.– 173 s.

Fet, A. A. Stihotvorenija i poemy / sostavlenie i primechanija B. YA. Buhshtaba / A. A. Fet.– Leningrad: Sovetskij pisatel', 1986.– 750 s.

Griboedov, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. T. 1 / Podgotovka teksta i kommentarii A. L. Grishunina; nauchnaja redaktsija S. A. Fomicheva / A. S. Griboedov.– Sankt-Peterburg: Notabene, 1995.– 345 s.

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t. T. 6 / Redaktsijnyj komitet: M. Gor'kij i drugie / Redaktor B. V. Tomashevskij / A. S. Pushkin.– Moskva: Voskresen'e, 1995.– 700 s.

Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyj: Ch. 1–6. Ch. 1.– Sankt-Peterburg: Imperatorskaya akademiya nauk, 1806.– 1310 stb.

Stepanov, L. A. Ruka Molchalina / L. A. Stepanov // Griboedov i Pushkin. Hmelitskij sbornik. Vypusk 2.– Smolensk, 2000.– S. 104–128.

Tolstoj, L. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 60 / Pod obshej redaktsiej V. G. Chertkova / L. N. Tolstoj.– Moskva: Izdatel'skij centr «Terra», 1992.– 557 s.

Научные работы В. А. Кошелева о жизни и творчестве А. С. Грибоедова

Монография

1. Грибоедов в «предлагаемых обстоятельствах».– Санкт-Петербург: Росток, 2020.– 336 с. (Далее – *Обстоятельства*).

Статьи и рецензии

2. А. С. Грибоедов и К. Н. Батюшков: К творческой истории комедии «Студент» // Грибоедов: Материалы к биографии.– Ленинград, 1989.– С. 199–219. Републ.: 1) В предчувствии Пушкина. К. Н. Батюшков в русской словесности начала XIX века.– Псков, 1995.– С. 51–78; 2) *Обстоятельства*. С. 64–90.

3. «Нижегородский язык»: Об одной грибоедовской номинации // Русская культура и мир. Ч. 2. – Нижний Новгород, 1994. – С. 17–19. Републ. под заглавием: 1) «Смешенье языков – французского с нижегородским»: Истоки и смысл грибоедовской номинации // Россия и Франция: диалог культур. Статьи и материалы. – Тверь, 2015. – С. 72–81; 2) *Обстоятельства*. С. 302–311.
4. «На всех Московских есть особый отпечаток...»: Рецензия Ивана Киреевского «“Горе от ума” – на Московском театре» // А. С. Грибоедов. Хмелитский сб. Сборник научных работ по материалам юбилейной конференции 1995 года. – Смоленск, 1998. – С. 175–191. Републ.: *Обстоятельства*. С. 108–124.
5. «Злоупотребление словом «идея»: «грибоедовская» статья Афанасия Фета // Грибоедов и Пушкин: Хмелитский сб. Вып. 2. – Смоленск, 2000. – С. 154–167.
6. «Откуда взялся рыцарь Грибоедов?» // Грибоедов и Пушкин: Хмелитский сб. Вып. 2. – Смоленск, 2000. – С. 3–19. Републ.: *Обстоятельства*. С. 46–63.
7. «Свет глупеющий» и «свет пустой». Грибоедовские формулы в пушкинском «Онегине» // Литература. Приложение к газете «Первое сентября». – 2000. – № 34 (361). – С. 11–12. Републ.: *Обстоятельства*. С. 151–167.
8. Блеск и нищета «непреложных истин» (Рецензия на кн.: *Цимбаева Е. Н.* Грибоедов. М., 2003) // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 64. – С. 361–370. Републ.: *Обстоятельства*. С. 5–23.
9. «Слушал Чацкого, но только один раз...»: Исторические перипетии бытования частного мнения // А. С. Грибоедов. Хмелитский сб. Вып. 9. – Смоленск, 2008. – С. 11–21. Републ.: *Обстоятельства*. С. 279–288.
10. «Драматическая жилка» в русской лирике: Грибоедов и Пушкин // А. С. Грибоедов. Хмелитский сб. Вып. 10. – Смоленск, 2010. – С. 15–25. Републ.: *Обстоятельства*. С. 242–253.
11. Рец.: *Филиппова А. А.* А. С. Грибоедов и русская усадьба (Хмелитский сборник. Вып. 13). – Смоленск, 2011 // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 112. – С. 438–440.
12. Горе уму, или Дурацкий ум // POLILOG. Studia neofilologiczne. Nr. 2. – Slupsk, 2012. – С. 47–58. Републ.: *Обстоятельства*. С. 134–150.
13. «Написать его биографию...» (Рецензия на кн.: *Фомичев С. А.* Александр Грибоедов. Биография. СПб., 2012) // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 120. – С. 382–387. Републ.: *Обстоятельства*. С. 24–33.
14. «Купеческое “Горе от ума”» // Щельковские чтения – 2013. – Кострома, 2014. – С. 81–91.
15. Литературный дебют Грибоедова // А. С. Грибоедов: эпоха, личность, творчество, судьба. Хмелитский сб. Вып. 16. – Вязьма, 2015. – С. 69–78. Републ.: *Обстоятельства*. С. 34–45.
16. «Чего тебе надобно, старче?»: О возрасте русского литературного героя // А. С. Грибоедов: эпоха, личность, творчество, судьба. Хмелитский сб. Вып. 16. – Вязьма, 2015. – С. 60–68. Републ. под заглавием: Между молодостью и старостью: О возрасте героя русской литературы // Зрелость как сюжет. – Тверь, 2019. – С. 9–19.

17. Вечные образы: «Репетилов в деревне» // «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской». Материалы международной конференции. Хмелитский сб. Вып. 17. – Вязьма–Хмелита, 2016. – С. 40–47. Републ.: *Обстоятельства*. С. 231–240.

18. «Нельзя ли пожалеть о ком-нибудь другом?»: мысль и деяния А. А. Чацкого // Венок Грибоедову. – Москва, 2016. – С. 453–473. Републ.: *Обстоятельства*. С. 192–207.

19. «Умеренность и аккуратность» // Русская классика. Сб. статей к 85-летию Н. Н. Скатова. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 90–109. Републ.: *Обстоятельства*. С. 208–230.

20. «Наше светское Евангелие», или Почему П. А. Вяземский недолюбливал «Горе от ума» // Русская словесность. – 2019. – № 2. – С. 56–65. Републ.: *Обстоятельства*. С. 91–107.

21. Софья Фамусова как «единственный характер» // Александр Грибоедов: Неизвестные страницы великой судьбы. – Москва, 2019. – С. 400–411. Републ.: *Обстоятельства*. С. 254–267.

22. Памяти «великого директора» // Русская усадьба. Сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 26 (42). – Санкт-Петербург, 2020. – С. 626–637.

23. Грибоедов, Пушкин и «барабанное просвещение» // Край Смоленский. – 2020. – № 4. – С. 19.